

Р О М А Н

ПЕПЕЛ и НЕОН

Город, где магия живёт в швах
между старым и новым

ГОРОДСКОЕ ФЭНТЕЗИ

42 главы · «Голоса города»

Максим Прикота

ПЕПЕЛ И НЕОН

«Автор»

2026

Прикота М.

ПЕПЕЛ И НЕОН / М. Прикота — «Автор», 2026

Двадцать лет назад мир узнал, что магия существует. С тех пор она стала не чудом, а бытом: реестры, лицензии, браслеты на запястьях и комнаты без окон, где проверяют, есть ли в тебе дар. Артёму двадцать три. Он пришёл на тестирование только ради справки «отрицательно» — без неё не берут на работу в порт. Справку он получил. А вечером того же дня уронил телефон, и время вокруг него на долю секунды загустело. Его дар называют реактивной защитой: он не подчиняется желанию и срабатывает сам, за миг до беды — своей или чужой. Один случай на сто тысяч. Слишком редкий, чтобы государство оставило его в покое. Скоро Артём поймёт: страшнее необученной силы внутри — вежливые люди снаружи, которые хотят превратить его способность защищать в способ убивать. И выбирать придётся не между добром и злом, а между собственной свободой и безопасностью тех, кто рядом. Городское фэнтези о цене раскрытия и о том, как страх становится системой.

© Прикота М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Комната без окон	6
Глава 2. Наблюдатель	8
Глава 3. Реестр	11
Глава 4. Спираль на полу	13
Глава 5. Марина	15
Глава 6. Чистые улицы	17
Глава 7. Программа	19
Глава 8. Второе «нет»	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Максим Прикота

ПЕПЕЛ И НЕОН

Пролог

Город начинался не с домов, а со швов. Там, где старые кварталы тёрлись боками о стеклянные башни делового центра, воздух густел, будто кто-то невидимой рукой сшивал разные эпохи суровой ниткой. Именно в этих швах жила магия — не та, книжная, с посохами и пентаграммами, а рабочая, усталая, как токарь после смены. Она пряталась в трещинах асфальта, в гудении трансформаторных будок, в паре, поднимающейся над решётками метро.

Двадцать лет назад про магию узнали все. Не из легенд — из репортажа с моста Северной набережной, где на глазах у сотни человек рухнувший вниз кран замер в воздухе в полуметре от толпы, удержанный кем-то, кого потом так и не нашли. С того дня мир не то чтобы изменился — он вздрогнул и продолжил жить, но уже с новым, неудобным знанием: рядом ходят люди, которые могут больше, чем положено человеку.

Дальше было как всегда бывает с неудобным знанием — сначала страх, потом любопытство, потом попытки приручить, потом попытки истребить. Комиссии, законы, спецотделы. Кварталы для одарённых, обнесённые не колючей проволокой — она была бы слишком честной, — а вежливыми постановлениями о «зонах регулируемого пребывания». Пепел этих двадцати лет осел на город ровным слоем, и на нём, как на удобрении, вырос неон новых вывесок: «Лицензированный маг. Приём по записи», «Амулеты. Официально. С гарантией Комиссии», «Детекция дара — бесплатно при первом визите».

Артём Ковалёв всего этого не застал в сознательном возрасте — ему было пять, когда рухнул кран. Он помнил только смутное ощущение из детства: мать крепко сжимает его руку на переходе, и её пальцы дрожат, хотя светофор зелёный и никакой опасности нет.

Он не знал тогда, что дрожат они не от машин.

Глава 1. Комната без окон

Комната для тестирования дара не имела окон — так было положено по инструкции Комиссии, версия семнадцать, пункт четыре: «минимизация внешних стимулов во избежание ложноположительных реакций». Артём сидел на металлическом стуле, привинченном к полу, и разглядывал единственный предмет в комнате — стеклянный куб размером с кулак, лежащий на столе перед ним.

— Просто попробуй, — сказала женщина за стеклянной перегородкой. Её голос шёл через динамик, чуть искажённый, будто она говорила из-под воды. — Большинство ничего не чувствует. Это нормально.

Артём протянул руку и коснулся куба. Холодное стекло, ничего больше. Он выдохнул — то ли с облегчением, то ли с разочарованием, сам не понял.

— Отрицательно, — произнёс голос, и в динамике что-то щёлкнуло, будто поставили галочку в невидимой анкете. — Можешь идти. Результат придёт по почте в течение пяти рабочих дней.

Он поднялся, одёрнул куртку и вышел в коридор, где на пластиковых стульях сидела очередь — человек десять, разного возраста, все с одинаковым выражением лица: смесью надежды и страха, которую невозможно спутать ни с чем. Тестирование было добровольным по закону и обязательным по факту — без справки о результате не брали на многие работы, не пускали в некоторые районы города после десяти вечера, не давали кредит в банках, которые перестраховывались после нескольких громких историй о заёмщиках, вдруг решивших, что могут расплавить сейф взглядом.

Артём результата не боялся. Ему было двадцать три, он вырос в Северном квартале, среди панельных девятиэтажек и круглосуточных ломбардов, и ни разу за всю жизнь не почувствовал в себе того гудения, о котором рассказывали одарённые — будто под кожей течёт вторая кровь, погорячее обычной. Он пришёл сюда не за этим. Он пришёл, потому что без справки «отрицательно» не брали на работу в порт, а работа в порту платила вдвое больше, чем всё, что он делал раньше.

На улице моросил вечный городской дождь — не сильный, но нескончаемый, будто небо тоже устало и просто подтекало, как старая труба. Артём поднял воротник и пошёл в сторону метро, минуя витрины с амулетами и вывески контор, где обещали «снять порчу по ГОСТу» — кто-то в мэрии решил, что бытовая магия должна сертифицироваться так же, как электроприборы, и с тех пор на каждом амулете красовался маленький штрих-код.

У входа в метро его толкнули — не нарочно, просто толпа, час пик, все спешат по домам, — и он выронил телефон. Тот упал экраном вниз, на мокрый асфальт, прямо под ноги идущим. Артём рванул за ним раньше, чем успел подумать, и в тот момент, когда его пальцы должны были коснуться асфальта на полсекунды позже, чем нужно, чтобы спасти экран от чужого ботинка, — что-то произошло.

Телефон замер. Не остановился, не завис в воздухе картинно, как в кино, — просто на долю секунды время вокруг него будто стало гуще, как кисель, и ботинок незнакомца прошёл мимо, будто обогнул невидимое препятствие. Артём подхватил телефон — экран был цел, ни царапины — и застыл, глядя на свою ладонь так, словно она принадлежала не ему.

— Ты как? — спросил кто-то рядом, обычный вопрос, обычный день, никто ничего не заметил.

— Нормально, — выдавил Артём и торопливо сунул телефон в карман.

Дома, в своей однушке на восьмом этаже, где вечно барахлил лифт и пахло чужим ужином из соседней квартиры, он полночи просидел на кухне, пытаясь повторить то ощущение. Ничего не выходило. Он ронял ложку, чашку, старый будильник — все падало как положено,

по всем законам физики, без всякой магии. Только когда он забыл про эксперимент и потянулся за упавшей со стола книгой машинально, не думая, — снова случилось то же самое: лёгкое сгущение воздуха, книга словно сама легла в руку за миг до удара об пол.

«Оно не слушается, когда я хочу», — подумал он. — «Оно приходит, когда я не жду».

Это была первая мысль, которая по-настоящему испугала его за весь день.

Он не пошёл переделывать тест. Не в тот вечер и не в следующий. Справка «отрицательно» уже лежала где-то в системе, и часть его — та часть, что выросла в Северном квартале и знала цену спокойной жизни, — говорила: забудь, спрячь, живи как жил. Другая часть, помладше и понаивнее, та, что в детстве смотрела на трансформаторные будки с необъяснимым любопытством, шептала другое.

Он не знал ещё, что решение уже не принадлежит только ему. Тестирующие комнаты без окон не просто проверяли дар — они его регистрировали, если он проявлялся хоть на секунду, хоть на стеклянном кубе, хоть на пороге. Через три дня после его визита в архиве Комиссии появилась пометка — тихая, техническая, незаметная строчка в базе: «Объект 7734-К. Аномальная микрофлуктуация зафиксирована постфактум сенсором помещения. Статус: наблюдение».

Артём Ковалёв об этом не знал. Он просто ходил на новую работу в порт, разгружал контейнеры, возвращался домой под дождём и старался не думать о том, что где-то внутри него теперь жило что-то, чему он не давал разрешения там поселиться.

Глава 2. Наблюдатель

Инспектор Ольга Резник не любила слово «облава». В её отделе — Втором управлении по делам одарённых, которое все, включая самих сотрудников, называли просто «Второй отдел» — предпочитали формулировку «плановая верификация статуса». Но когда семь машин без опознавательных знаков перекрывают квартал в шесть утра, а бойцы в штатском без стука входят в квартиры по списку, никакое название не сделает это чем-то другим, кроме облавы.

Ольга сама одарённой не была. Может, поэтому её и поставили руководить отделом — начальству нравилось, когда решения принимает человек, которого нельзя заподозрить в сочувствии к объектам наблюдения. Она стояла у фургона с чашкой кофе, остывающего быстрее, чем она успевала его пить, и смотрела на экран планшета, где список фамилий сокращался один за другим — зелёная галочка означала «проверен, чист», красная — «задержан для дальнейшего собеседования».

— Седьмой подъезд, — сказал в наушнике голос напарника, Дмитрия. — Женщина, около сорока, слабый отклик на детекторе. Говорит, что это от старого перелома, металлическая пластина в руке.

— Пробей по базе медицинских импланта. Если совпадает — отпускай.

— Уже пробиваю.

Ольга отхлебнула кофе и поморщилась. Работа не доставляла ей удовольствия уже года три, с тех пор как она поняла одну простую вещь: чем больше они «верифицируют» одарённых, тем больше становится список. Не потому что магия распространяется — эпидемиологи давно доказали, что процент одарённых в популяции стабилен, — а потому что каждая облава плодит недоверие, а недоверие плодит утаивание, а утаивание плодит новые методы детекции, которые находят то, что раньше пропускали. Замкнутый круг, в котором она была одной из шестерёнок.

— Восьмой подъезд, квартира двадцать три. Резкий отклик, — снова голос Дмитрия, на этот раз с ноткой настороженности. — Парень, лет двадцать пять. Отдел регистрации показывает «отрицательно» по последнему тестированию три недели назад, но детектор сейчас пишет активную флуктуацию.

Ольга поставила кофе на капот фургона.

— Ложный тест? Такое бывает?

— Редко. Но бывает — если дар просыпается уже после теста. Или если в момент теста человек был... в спокойном состоянии, а дар реагирует на стресс.

— Задержите его. Аккуратно. Мне нужно на него посмотреть.

Она поднялась на восьмой этаж пешком — лифт, как водится в этих домах, не работал, — и застала картину, которая за три года работы успела набить оскомину, но каждый раз всё равно давила на что-то внутри: молодой мужчина в наручниках у стены, двое бойцов рядом, соседи, приоткрывшие двери и тут же захлопнувшие их обратно, стоило её взгляду скользнуть по площадке.

— Артём Ковалёв? — она сверилась с планшетом.

— Да, — он смотрел на неё с тем выражением, которое она видела сотни раз: не страх и не вызов, а какая-то усталая обречённость, будто человек всю жизнь ждал, что за ним придут, и вот дождался.

— Три недели назад вы прошли добровольное тестирование дара в центре на Речной улице. Результат — отрицательный. Верно?

— Верно.

— Наш прибор сейчас фиксирует у вас активный магический отклик. Как вы это объясните?

Он молчал. Ольга умела читать это молчание — оно значило либо «я правда не знаю», либо «я знаю, но не скажу». По его лицу, дёргающемуся уголку рта, она бы поставила на первое.

— Я ничего не делал, — сказал он наконец. — Я стою тут уже десять минут. Спросите ваших людей.

— Дело не в том, что вы делали руками, — вмешался Дмитрий, показывая ей экран детектора. — Смотрите, Ольга Викторовна. Фон нестабилен, но постоянен. Это не разовый всплеск. Это фоновое присутствие дара, которое накапливается.

Ольга посмотрела на график — зазубренную линию, которая держалась чуть выше нулевой отметки, время от времени подпрыгивая острыми пиками без видимой причины.

— У вас есть история резких реакций? Падающие предметы, которые вы ловили без объяснимой скорости? Вещи, происходящие «сами собой», когда вы напуганы или взволнованы?

Она увидела, как в его глазах что-то дрогнуло — узнавание. Ей стало почти жаль его.

— Один раз, — сказал он тихо. — Телефон. Три недели назад.

— В день тестирования?

— В тот же вечер.

Ольга кивнула, будто это подтвердило гипотезу, которая давно у неё зрела, но которую она никогда не произносила вслух при подчинённых: тестирование не выявляет дар — оно его провоцирует. Стресс, страх быть обнаруженным, сама процедура, направленная на то, чтобы найти магию, каким-то образом будит её у тех, кто балансировал на грани. Замкнутый круг внутри замкнутого круга.

— Снимите наручники, — сказала она.

Дмитрий удивлённо на неё посмотрел, но подчинился.

— Вы не задержаны, — продолжила Ольга. — Но вам придётся пройти повторную регистрацию в течение семидесяти двух часов. Это не рекомендация, это требование закона о раскрытии статуса, статья одиннадцать. Если вы не явитесь — тогда уже будет ордер, и следующий разговор пройдёт не так вежливо.

Артём потёр запястья и посмотрел на неё с недоверием, которое, впрочем, начало смягчаться удивлением — он явно ожидал другого исхода.

— Почему вы меня отпускаете?

— Потому что вы ещё не сделали ничего, кроме того, что испугались собственного тела, — сказала Ольга и, помедлив, добавила то, что не было положено говорить по протоколу: — Пойдите к Симакову. Частная практика, Заводская, дом девять. Он не из наших, он одарённый-наставник, работает с новичками. Скажете, что от Резник.

Она сама не до конца понимала, зачем это сказала. Может быть, потому что за три года впервые видела перед собой не статистику, а человека, который ещё мог выбрать, кем стать.

Симаков жил в перестроенном цеху бывшего часового завода — здание было слишком большим для одного человека, но он утверждал, что ему нужно место для «работы с резонансом», и никто не рисковал уточнять, что это значит. Артём нашёл его два дня спустя, поздним вечером, когда почти решил не приходить вовсе.

Дверь открыл невысокий мужчина лет пятидесяти, седой, в вязаном свитере, больше похожий на пенсионера-шахматиста, чем на мага.

— Резник вас прислала, — сказал он вместо приветствия, не как вопрос. — Заходите. И вытрите ноги, я сегодня мыл полы, и, поверьте, это стоило мне больше усилий, чем любое заклинание.

Внутри цех оказался разделён на несколько зон: жилую, заваленную книгами и чайными чашками, и рабочую, где посреди бетонного пола была нарисована мелом широкая спираль — не идеальная, местами стёртая и подновлённая заново.

— Садитесь туда, в центр, — Симаков махнул рукой на спираль. — И расскажите мне, что случилось с вашим телефоном.

Артём удивлённо на него взглянул.

— Резник рассказала?

— Резник рассказала мне, что у вас случился стрессовый пробуждающий эпизод после отрицательного теста. Остальное я уже вижу сам. — Симаков сел напротив на низкий табурет и прищурился, глядя куда-то сквозь Артёма, будто разглядывал не человека, а погоду за его спиной. — У вас интересный узор. Редкий. Такое я видел последний раз лет пятнадцать назад, и, честно скажу, тот человек плохо кончил — не потому что дар был плохим, а потому что никто вовремя не научил его им пользоваться.

— Что за узор?

— Реактивная защита, — Симаков произнёс это буднично, как диагноз врача. — Ваш дар не откликается на желание. Он откликается на угрозу — вашу или чужую, неважно. Он просыпается за долю секунды до того, как что-то плохое должно произойти, и делает ровно то, что нужно, чтобы этого не случилось. Красиво, если честно. И очень, очень опасно, потому что вы не можете его контролировать напрямую. Вы можете только научиться жить с ним так, чтобы он не сжёг вас изнутри, ожидая угроз, которых нет.

Артём молчал, переваривая. За окном цеха гудел город — обычный вечерний шум, но теперь он слушал его иначе, будто впервые понимая, сколько в этом шуме скрытых углов, из-за которых может выскочить опасность.

— Я не просил об этом, — сказал он наконец.

— Никто не просит, — Симаков поднялся и подошёл к старому шкафу, начал в нём рыться. — Вопрос не в том, просили вы или нет. Вопрос в том, что вы будете с этим делать теперь. Комиссия впишет вас в реестр в течение недели, хотите вы того или нет — Резник дала вам передышку, не свободу. У вас есть выбор: прийти туда обученным человеком, который управляет своим даром, или необученным перепуганным мальчишкой, которого запишут в группу риска и будут следить до конца жизни. Я предлагаю первое.

Он вытащил из шкафа потрепанную тетрадь и бросил её Артёму на колени.

— Домашнее задание. Записывайте каждый раз, когда дар просыпается — что вы чувствовали до этого, что происходило вокруг. Через неделю жду вас снова.

Глава 3. Реестр

Неделя между первым визитом к Симакову и регистрацией в Комиссии прошла для Артёма как во сне — том тревожном сне, где ты идёшь по знакомой улице, а она с каждым шагом становится чуть более чужой. Он ходил на работу в порт, таскал контейнеры, обедал в той же столовой, что и раньше, но теперь ловил себя на том, что прислушивается к себе — к тому гудению под кожей, о котором говорил Симаков и которое теперь, зная о нём, он начал ощущать почти постоянно, на самой грани восприятия, как шум холодильника, который не замечаешь, пока кто-то не укажет на него.

Тетрадь заполнялась медленно. Первая запись была короткой: «Понедельник. Ничего не почувствовал». Вторая — уже честнее: «Вторник. Кран на разгрузке чуть не задел напарника. За секунду до того — тепло в груди, будто кто-то поднёс руку близко к огню. Кран остановился сам. Никто не заметил, кроме меня».

Он не рассказал напарнику. Не рассказал никому в порту. Северный квартал, где он вырос, был не тем местом, где одарённость воспринимали с восторгом — здесь помнили истории девяностых и двухтысячных, когда необученные, испуганные, никому не подконтрольные дары ломали судьбы целых семей: пожары от паники, обвалившиеся балконы от чужой ярости, дети, которые не могли объяснить, почему соседский кот вдруг перестал дышать. Комиссия появилась не из воздуха — она появилась потому, что люди устали бояться друг друга без всяких правил.

Здание Комиссии на площади Согласия — название выбрали с явной, почти издевательской иронией — было облицовано серым камнем, тяжёлым и монументальным, будто архитектор хотел сказать одним видом здания: здесь порядок, здесь контроль, бояться нечего. Артём поднялся по широким ступеням, чувствуя, как тетрадь Симакова оттягивает внутренний карман куртки — тот велел взять её с собой, «на всякий случай, но не показывать, если не спросят».

В зале регистрации былолюдно — очередь тянулась вдоль стены, отделённая бархатным канатом, как в кинотеатре, только вместо билетов в кино люди здесь получали статус, определяющий, куда им можно ходить и во сколько. Артём встал в конец и достал номерок из автомата.

— Двести сорок первый, — произнёс механический голос над очередью. — Двести сорок первый, окно четыре.

Прошло почти два часа, прежде чем прозвучал его номер. За окном сидела женщина неопределённого возраста в форменном сером костюме, с лицом человека, который повторяет один и тот же разговор по пятьдесят раз в день и давно перестал вкладывать в него что-либо живое.

— Ковалёв Артём Игоревич? Документы.

Он протянул паспорт и направление, выданное Вторым отделом. Женщина сверила данные, не поднимая взгляда.

— Тип реакции?

— Реактивная защита, — сказал он, вспомнив слово Симакова.

Женщина впервые подняла глаза.

— Кто определил классификацию?

— Частный практик. Симаков, Заводская девять.

Что-то мелькнуло в её лице — не удивление, скорее узнавание имени, за которым стояло что-то большее, чем просто фамилия в справочнике.

— Присядьте, — она указала на ряд стульев сбоку. — Вас вызовет специалист для повторной верификации.

Артём сел, чувствуя, как внутри снова разгорается то тревожное тепло — не угроза, просто нервы, но дар, кажется, не всегда умел отличить одно от другого. Он заставил себя дышать медленно, как учил Симаков, и тепло понемногу отступило.

Специалист, вызвавший его через двадцать минут, оказался мужчиной лет сорока пяти в такой же серой форме, но с эмблемой на груди — три переплетённые кольца, символ третьего, «диагностического» департамента Комиссии.

— Артём Игоревич, меня зовут Вербицкий, я курирую редкие классификации, — он провёл его в кабинет без окон, ещё одну комнату без окон в череде комнат без окон, которыми, казалось, была устроена вся его новая жизнь. — Реактивная защита — это в буквальном смысле раз на сто тысяч случаев. Расскажите мне про эпизод с телефоном как можно подробнее.

Артём рассказал — и про телефон, и про кран в порту, стараясь не упоминать напарника по имени. Вербицкий слушал, делая пометки в планшете, и Артём не мог отделаться от ощущения, что его записывают не как человека, а как редкий образец в каталоге.

— Хорошая новость, — сказал наконец Вербицкий, откладывая планшет, — реактивная защита практически никогда не классифицируется как угроза третьей категории. Ваш дар физически не может причинить вред без внешнего провоцирующего фактора — он не нападает, он защищает. Плохая новость в том, что именно поэтому вами интересуются люди, которых я предпочёл бы, чтобы вами не заинтересовались.

— Кто?

Вербицкий помолчал, будто взвешивая, стоит ли отвечать.

— Есть подразделения, которые ищут одарённых с определённым профилем для... специальных задач. Официально это называется «программа добровольного содействия». Неофициально — вас будут вызывать чаще других, предлагать деньги за участие в тестах, и с каждым разом будет всё труднее отказаться. Мой совет — держитесь ближе к вашему наставнику. Люди с сильным профессиональным сопровождением реже попадают в такие программы. Это не защита по закону, это просто статистика, но статистика — единственное оружие, которое у вас есть в этом здании.

Он поставил в документах Артёма штамп — синий, с тремя кольцами, — и протянул обратно паспорт.

— Регистрация завершена. Носите это, — он вручил тонкий браслет из тёмного металла. — Пассивный маркер. Не отслеживает вас постоянно, только фиксирует всплески дара для статистики. Снимать нельзя, это административное нарушение. Добро пожаловать в реестр, Артём Игоревич.

Выходя из здания на площадь, залитую всё тем же вечным морозящим дождём, Артём поймал себя на том, что впервые за две недели чувствует не страх, а нечто похожее на облегчение. Худшее, чего он боялся — облавы, наручники, реестр как приговор, — оказалось буднично оформленным бюрократическим процессом. Но слова Вербицкого о «специальных задачах» засели в нём занозой, и он понимал, что это не конец истории, а только её начало.

Глава 4. Спираль на полу

Тренировки у Симакова начались всерьёз через три дня после регистрации. Он заставлял Артёма часами сидеть в центре меловой спирали, не делая ничего — просто дышать, считать вдохи, замечать малейшие изменения внутри.

— Ваш дар — сторожевой пёс, — говорил Симаков, расхаживая по кругу с чашкой чая, которая никогда не пустела, будто он подливал её магией, хотя на деле просто заваривал новую каждые двадцать минут. — Он не спрашивает разрешения залаять, потому что вы никогда его этому не учили. Задача не в том, чтобы заставить его молчать, — это невозможно и опасно, задавленный страх дара рано или поздно прорывается хуже неконтролируемого. Задача в том, чтобы научить его отличать настоящую угрозу от вашей тревожности.

— Как?

— Через практику различения. — Симаков щёлкнул пальцами, и с потолка цеха, откуда-то из тёмных стропил, с грохотом сорвался кусок ржавой арматуры, полетев прямо на голову Артёма.

Тот не успел даже испугаться — вернее, испугаться успел, но осознанно, будто наблюдая за собой со стороны, — и в следующую долю секунды воздух вокруг сгустился, арматура замерла в сантиметре от макушки и мягко опустилась на пол.

— Вот видите, — довольно сказал Симаков, ничуть не смутившись тем, что только что чуть не убил своего ученика в педагогических целях, — работает исправно. Проблема не в том, сработает ли дар, когда нужно. Проблема в том, что он срабатывает и тогда, когда не нужно, и с каждым ложным срабатыванием вы теряете силы — как батарейка, которая садится от того, что фонарик всё время мигает без причины.

— Вы могли предупредить, — выдохнул Артём, всё ещё чувствуя, как колотится сердце.

— Мог. Но тогда вы бы приготовились сознательно, и я не увидел бы, как реагирует именно дар, а не ваш разум. — Симаков подобрал арматуру и отбросил её в угол, где, судя по вмятинам на бетоне, скопилась уже целая коллекция подобных снарядов. — В следующий раз я не буду предупреждать вообще никогда. Это часть тренировки. Мир тоже не предупреждает.

Недели складывались в месяцы. Артём приходил к Симакову три раза в неделю после смены в порту, и постепенно тетрадь с записями наполнялась не тревожными обрывками, а осмысленными наблюдениями: он начал замечать разницу между «тревогой от усталости» и «настоящим предчувствием опасности» — первая ощущалась как сжатие в груди, вторая как холод, идущий откуда-то из основания черепа. Дар по-прежнему просыпался без спроса, но реже, и с каждым разом Артём чуть лучше понимал, почему.

Однажды вечером, когда занятие уже закончилось и Симаков разливал чай для них двоих — редкий жест, означавший, что старик в хорошем настроении, — Артём наконец спросил то, что копилось у него с первого дня.

— Почему вы это делаете? Бесплатно, я имею в виду. У вас же наверняка есть платные клиенты.

Симаков долго молчал, глядя в чашку.

— У меня был сын, — сказал он наконец. — Пробуждение дара в шестнадцать лет, обычная история, реактивный тип, как у вас, только направленный не наружу, а внутрь — организм защищал сам себя от того, что он воспринимал как угрозу изнутри. Врачи не понимали, что происходит, обычные врачи, потому что тогда о таких случаях знали ещё меньше, чем сейчас. Он умер, потому что его дар боролся сам с собой, а рядом не было никого, кто мог бы научить его не бояться самого себя.

Он поставил чашку на стол — аккуратно, без стука, но Артём видел, как дрогнула его рука.

— С тех пор я учу тех, кого больше некому учить. Не за деньги. За то, чтобы не повторилась ещё одна такая история.

Артём не нашёл слов, и Симаков, будто почувствовав его неловкость, махнул рукой — оставим это, — и перевёл разговор на завтрашнее упражнение.

Но в ту ночь, возвращаясь домой сквозь морось, Артём думал не об арматуре и не о дыхательных техниках, а о том, что за каждой историей о даре, официальной или частной, скрывается своя личная трагедия — и что город, в котором он живёт, построен на тысячах таких трагедий, аккуратно упакованных в серые бланки Комиссии.

Глава 5. Марина

Он познакомился с Мариной Свешниковой случайно, как обычно и происходят важные встречи — не потому, что искал их, а потому что жизнь подсовывает их под ноги, когда меньше всего ждёшь.

Это случилось в маленьком книжном магазине на Речной улице, недалеко от того самого центра тестирования, где всё началось. Артём заходил туда изредка, не столько за книгами, сколько за тишиной — магазин был одним из немногих мест в городе, где не висели объявления о лицензированных магах и не работали детекторы дара на входе, потому что хозяин, старик по фамилии Гринько, категорически отказывался их устанавливать, ссылаясь на право частной собственности и вообще на то, что «книги ещё никого не превращали в саламандру, чего не скажешь о вашей магии».

Марина стояла у полки с историческими справочниками, и Артём заметил её раньше, чем заметил браслет на её запястье — тёмный, металлический, точь-в-точь как его собственный.

— Извините, — сказала она, когда он случайно задел её локтем, потянувшись за книгой на верхней полке, — вы тоже ищете что-то про доконтактный период? У Гринько всегда лучший выбор, я проверяла все книжные в центре.

— Я вообще-то просто прячусь от дождя, — признался он, и она рассмеялась — коротко, но искренне.

Так они и разговорились — сначала о книгах, потом о городе, потом, когда оба заметили одинаковые браслеты и одинаково неловко отвели взгляд, о том единственном, о чём говорят все одарённые, когда узнают друг в друге своих: как это случилось с ними.

У Марины дар проявился в четырнадцать — она могла чувствовать эмоции людей рядом, что оказалось скорее проклятием, чем даром, особенно в переполненном классе, где чужая злость, обида и страх накатывали на неё волнами, которые она не умела фильтровать. К двадцати шести годам, когда Артём с ней познакомился, она работала психологом-консультантом в одном из немногих легальных центров поддержки для одарённых — тех самых, куда Комиссия неохотно, но всё же выделяла финансирование, потому что статистика самоубийств среди недавно пробудившихся была неудобной темой даже для самых бюрократических отчётов.

— Люди приходят ко мне, потому что боятся себя, — рассказывала она, когда они уже сидели в маленьком кафе через дорогу, взяв по чашке кофе, который остывал быстрее, чем они успевали его пить, будто весь город страдал одной и той же болезнью спешки. — И знаешь, что самое страшное? Часто они правы, что боятся. Не потому что дар плохой сам по себе, а потому что никто не научил их, что с ним делать. Общество тратит миллиарды на детекторы и реестры и почти ничего на то, чтобы просто научить людей жить с тем, что в них проснулось.

Артём рассказал ей про Симакова, про спираль на полу, про арматуру, летящую с потолка без предупреждения, и Марина слушала внимательно, время от времени кивая с профессиональным узнаванием.

— Тебе повезло, — сказала она. — Большинству просто выдают справку и отправляют домой разбираться самим. Знаешь, сколько случаев неконтролируемых всплесков происходит в первый год после пробуждения именно из-за этого?

— Сколько?

— Комиссия не публикует точные цифры. Но я вижу это каждый день на своей работе, и цифра, поверь, немаленькая.

Они говорили ещё долго, пока за окном не стемнело окончательно, и Артём, провожая её до остановки, поймал себя на мысли, что впервые за месяцы после теста чувствует себя не объектом наблюдения — Комиссии, Второго отдела, собственного тела, — а просто человеком, у которого случился хороший вечер.

— Увидимся? — спросил он, когда подошёл её автобус.

— У Гринько по субботам всегда хороший выбор новых поступлений, — ответила она с полуулыбкой, и это прозвучало достаточно похоже на «да».

Глава 6. Чистые улицы

Не всё в городе принимало новый порядок так же мирно, как книжный магазин Гринько или центр поддержки Марины. На окраинах, там, где швы между старым и новым городом расходились особенно широко, зрело движение, называвшее себя «Чистые улицы» — не тайная секта, а вполне легальное общественное объединение, зарегистрированное, с офисом, с сайтом и с ежемесячным журналом, который свободно продавался в киосках рядом с журналами про магию и амулеты.

Их идея была проста и от того особенно заразна: одарённые — не жертвы обстоятельств, а бомбы замедленного действия, и единственный способ обезопасить город — это не регулирование, а полная изоляция. Отдельные районы, отдельный транспорт, отдельные школы. «Не потому что мы их ненавидим, — писал в передовице очередного номера лидер движения, бывший инженер по фамилии Гордеев, потерявший жену при обрушении дома, вызванном неконтролируемым выбросом дара соседа, — а потому что мы не готовы больше платить за чужую непредсказуемость своими жизнями».

Артём впервые столкнулся с «Чистыми улицами» не в теории, а на практике спустя два месяца после знакомства с Мариной, когда возвращался с ней поздно вечером от Гринько. У выхода из книжного их остановила небольшая группа — человек шесть, с жёлтыми повязками на руках, символом движения.

— Браслеты видно, — сказал один из них, крепкий парень лет тридцати, не грубо, но с той спокойной уверенностью, что страшнее любой грубости. — Вы в курсе, что после девяти вечера одарённым рекомендовано не появляться в этом районе без сопровождения?

— Это не закон, — сказала Марина ровным голосом, тем самым, каким она, наверное, разговаривала с самыми тяжёлыми клиентами в своём центре. — Это ваша внутренняя рекомендация. Мы имеем право находиться здесь.

— Имеете, — согласился парень. — Мы просто напоминаем. Для вашей же безопасности. Знаете, сколько инцидентов произошло в этом квартале за последний год?

Артём почувствовал, как у него внутри поднимается то самое тепло — не паника, а настороженность, дар просыпался медленно, оценивая ситуацию, не спеша, потому что прямой угрозы пока не было, только слова. Он заставил себя дышать ровно, как учил Симаков, разделяя тревогу настоящую и тревогу воображаемую.

— Мы уходим, — сказал он тихо, беря Марину за руку. — Спасибо за напоминание.

Они прошли мимо группы, и никто их не тронул — «Чистые улицы» дорожили легальностью своего статуса больше всего на свете, зная, что одно насильственное происшествие может стоить им регистрации и репутации. Но когда за спиной раздался смех и чей-то голос произнёс негромко, явно рассчитывая, что услышат: «Скоро и до вас доберутся, не переживайте», Артём почувствовал, как в груди что-то сжалось — не от дара, а от простой человеческой злости.

— Не обращай внимания, — сказала Марина, хотя её собственный голос дрожал сильнее, чем ей, наверное, хотелось бы. — Они питаются реакцией. Чем спокойнее ты, тем скорее им становится скучно.

— Как ты это выносишь? Каждый день чувствовать не только свой страх, но и их?

Марина остановилась под фонарём, свет которого дрожал сквозь морось, придавая её лицу усталый, но упрямый вид.

— Потому что за каждым Гордеевым, который потерял жену и превратил горе в ненависть, есть десять человек, которые просто напуганы и не знают, куда деть этот страх. Их не нужно ненавидеть в ответ. Их нужно... — она замялась, подбирая слово, — переубеждать. Медленно. По одному.

— Звучит как безнадёжная задача.

— Большинство важных задач такие, — она улыбнулась, впервые за вечер, и от этой улыбки тепло в груди Артёма сменилось на совсем другое ощущение, не имеющее отношения к дару.

Дома в ту ночь он долго не мог уснуть, думая не столько о «Чистых улицах», сколько о фразе Гордеева из журнала, которую как-то показал ему Симаков: «Мы не готовы больше платить за чужую непредсказуемость своими жизнями». В этой фразе была логика — жестокая, но не безосновательная логика человека, который действительно потерял всё. И Артём понимал, что настоящая опасность города заключалась не в самих одарённых и не в самих обычных людях, а в том, что обе стороны были по-своему правы в своём страхе, и никто не строил моста между этими правдами — только стены, заборы и жёлтые повязки на рукавах.

Глава 7. Программа

Первый звонок из «специального департамента», о котором предупреждал Вербицкий, поступил Артёму спустя четыре месяца после регистрации, ясным зимним утром, когда он собирался на смену в порт.

— Артём Игоревич? Меня зовут Ковач, я представляю программу добровольного содействия при Комиссии, — голос в трубке был приятным, отработанным, из тех, что учат специально для подобных звонков. — Хотел бы обсудить с вами возможность сотрудничества.

— Какого рода сотрудничества?

— Ваш профиль — реактивная защита — крайне редок и представляет большой интерес для наших исследовательских программ. Мы предлагаем компенсацию, значительно превышающую вашу текущую зарплату, за участие в контролируемых полевых испытаниях.

— Что за испытания?

— Детали обсуждаются при личной встрече, — Ковач говорил ровно, без запинки, будто зачитывал текст с монитора, что, вероятно, так и было. — Могу заверить, всё абсолютно безопасно и добровольно. Вы вправе отказаться в любой момент.

Артём вспомнил слова Вербицкого — «с каждым разом будет всё труднее отказаться» — и решил проверить это прямо сейчас.

— Я откажусь сейчас, если можно.

Пауза на другом конце линии была короткой, но заметной.

— Разумеется, вы вправе, — сказал Ковач тем же ровным тоном, но что-то в интонации чуть изменилось, стало холоднее. — Однако позвольте заметить, что участники программы получают приоритетный доступ к юридической защите в случае... непредвиденных инцидентов с их даром. Не участники такой защиты не имеют. Подумайте об этом. Я перезвоню через неделю.

Он повесил трубку, не дожидаясь ответа, и Артём остался стоять посреди кухни с телефоном в руке, чувствуя, как знакомое тепло снова поднимается в груди — на этот раз явно оправданно.

Он рассказал об этом Симакову тем же вечером, и старик, обычно невозмутимый, впервые за всё время их знакомства выглядел по-настоящему обеспокоенным.

— Программа добровольного содействия, — повторил он, качая головой. — Знаете, что это на самом деле? Испытательный полигон для методов подавления и использования дара в интересах государства. Официально — исследования. Неофициально — они ищут людей вроде вас, чтобы понять, как воспроизвести реактивную защиту искусственно. Оружие, Артём. Они строят оружие из людей, которые просто хотят защититься.

— Что мне делать?

— Отказывайтесь. Каждый раз. И записывайте каждый звонок — дату, время, содержание разговора. Если начнут давить сильнее — есть люди, которые могут помочь. Резник, например, хоть она и из Второго отдела, никогда не была на их стороне. Но будьте готовы, что отказ не остановит их сразу. Такие программы редко сдаются после первого «нет».

Артём кивнул, чувствуя, как первоначальный страх уступает место чему-то более твёрдому — решимости, которую он и сам от себя не ожидал. Он подумал о Марине, о её работе с людьми, боящимися самих себя, о Симакове с его меловой спиралью и погибшим сыном, о Гордееве с его журналом ненависти, родившейся из горя, — и понял, что город, в котором он живёт, состоит не из простых сторон «мы» и «они», а из тысяч отдельных людей, каждый из которых пытается по-своему выжить в мире, который ещё не решил, как относиться к магии.

Он сам ещё не решил, на чьей он стороне. Но он точно знал, что не станет оружием ни для кого.

Глава 8. Второе «нет»

Ковач перезвонил не через неделю, а через три дня — и на этот раз голос его звучал теплее, почти дружелюбно, будто разговор о деньгах и лояльности между ними уже состоялся и остался позади.

— Артём Игоревич, я подумал ещё раз о вашем случае и хочу предложить альтернативу, — сказал он, не тратя времени на приветствия. — Не полевые испытания, а просто консультация. Один визит, два часа вашего времени, оплата — половина вашей месячной зарплаты в порту. Никаких обязательств продолжать.

— Я уже сказал «нет».

— Я помню. Но обстоятельства меняются, — в его голосе прозвучало что-то, отдалённо похожее на намёк, и Артём напрягся. — Кстати, как продвигаются занятия у гражданина Симаква? Насколько я знаю, у него нет действующей лицензии практикующего наставника — истекла два года назад, он просто забыл продлить. Досадное упущение с его стороны, вы не находите? При желании это можно расценить как незаконную практику.

Тепло в груди Артёма мгновенно превратилось в холод — тот самый, о котором он писал в тетради Симаква, холод настоящей угрозы, идущий от основания черепа.

— Вы мне угрожаете, — сказал он тихо, стараясь, чтобы голос не дрогнул.

— Что вы, ни в коем случае, — Ковач рассмеялся, легко и естественно, как человек, которому не привыкать вести подобные разговоры. — Я лишь констатирую факты, которые могут заинтересовать инспекцию, если... впрочем, неважно. Подумайте о консультации. Два часа, хорошие деньги, и я больше не буду упоминать никаких неудобных фактов о лицензиях ваших знакомых.

Он повесил трубку, и Артём долго сидел, глядя в тёмный экран телефона, чувствуя, как внутри поднимается ярость — новая для него эмоция в контексте дара, потому что до сих пор он привык бояться собственного тепла, а не желать его выпустить.

Он позвонил Симакву в тот же вечер и рассказал всё, слово в слово.

— Продлите лицензию, — сказал он в конце. — Прямо завтра, пожалуйста.

Симаков помолчал на другом конце линии дольше, чем можно было ожидать.

— Не получится продлить за один день, — сказал он наконец. — Но это не важно, Артём. Важно то, что они знают про меня и про мою лицензию — значит, они следили за вами достаточно внимательно, чтобы узнать, к кому вы ходите. Это не случайная угроза, это подготовленный рычаг давления.

— Что делать?

— Ничего не менять в расписании. Продолжать заниматься. Если я перестану вас учить из страха — они выиграют дважды: получают вас без защиты и покажут всем остальным наставникам, что запугивание работает. Я этого не позволю.

На следующее занятие Симаков пришёл с папкой документов — старыми справками, подтверждениями квалификации, письмами от бывших учеников.

— Собираю всё для восстановления лицензии, — сказал он, раскладывая бумаги на столе рядом со спиралью. — Заодно кое-что покажу вам, чего раньше не показывал.

Он достал из ящика небольшую металлическую пластину с выгравированным символом — тремя переплетёнными кольцами, тем же, что был на форме Вербицкого.

— Это знак департамента специальных исследований, не путать с обычной Комиссией. Программа добровольного содействия числится при них официально, но по факту работает почти автономно, с отдельным бюджетом и отдельной секретностью. Я узнавал про них годами, с тех пор как погиб сын — тогда я думал, что смогу найти в их архивах ответы, почему дар

вроде его убивает, а не защищает. Ничего не нашёл, кроме дверей, которые захлопывались, стоило мне подойти слишком близко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.